

Г.Р. Державин

Собрание сочинений

В 10-ти томах

Стихотворения

Москва, 2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)51
Д36

Общественный совет собрания сочинений Г.Р. Державина:

Замостьянов А.А. — выпускающий редактор

Бубыренко О.А.

Коровин А.А.

Шабаева Т.Н.

Державин, Гаврила Романович (1743—1816).
Д36 Собрание сочинений. Т. II: Стихотворения / Г.Р. Державин. — М.: Народное образование, 2019. — 320 с.
ISBN 978-5-521-76483-9 (т. 2)
ISBN 975-5-87953-369-9

Во второй том собрания сочинений Гаврилы Романовича Державина (1743—1816) вошли стихотворения, написанные в 1785-м—1807-м — в те годы, когда поэт был крупным политическим деятелем и законодателем мод в русской литературе. Некоторые произведения публикуются впервые за много десятилетий.

ISBN 978-5-521-76483-9 (т. 2)
ISBN 975-5-87953-369-9

ББК 84(2=411.2)51

© Замостьянов А.А., составитель, 2019

© Народное образование, 2019

ЗРЕЛОСТЬ ПОЭТА

После смерти Екатерины Великой Державин с прежним упрямством бросается в вихрь политический. Служба отвлекала от творчества, но эти годы оказались плодотворными для поэта.

Державинская поэзия этого времени — ключ и к политической жизни, и к эстетике того времени. А ведь это эпоха революционных войн в Европе, это борьба России с Бонапартием.

После воцарения Павла Петровича все ожидали возвышения Державина. Его видели одним из тех, на кого новый император может опереться. Многих это страшило: у Державина сложилось реноме человека, умеющего преследовать и карать. Сам Державин, пожалуй, видел себя первым среди равных в ареопаге советников государя — новым Вяземским, только более влиятельным, потому что власть екатерининского генерал-прокурора заметно сужали фавориты. Правда, Катерина Яковлевна уж несколько лет лежала в могиле. Павел относился к ней почти как к родственнице, и будь она жива, в милости императора не стоило бы и сомневаться.

И Павел поначалу оправдывал ожидания. В первый же день нового царствования Державина вызвали на высочайшую аудиенцию. Входящий в силу камердинер императора — Иван Павлович Кутайсов — оценивающе взглянул на Гаврилу Романовича: этот господин нам пригодится! Император принял Державина со взвинченным радушием, наговорил комплиментов: он ценит честность Державина, его ум и деловые качества, он предлагает ему стать правителем царского Верховного совета с дозволением являться к государю во всякое время. Державин вернулся от государя в невиданном воодушевлении: в прежние времена

и должности такой не было — правитель Верховного совета. Главный советник императора! Державин возвысится над всеми вельможами — будет руководить ими, как генерал-прокурор сенаторами. Но на следующий день вышел указ, в котором должность Державина трактовалась иначе: правитель канцелярии Совета. На заседании Державин демонстративно не занял кресла правителя канцелярии, выслушивал доклады стоя. А потом напросился к государю на аудиенцию.

— Был в Совете, но не знаю, что мне там делать.

— Делай то, что делал Самойлов (правитель канцелярии в екатерининские времена).

Державин помрачнел. Самойлов ничего не делал, только носил императрице протоколы заседаний... Павел вымолвил нечто неопределённое: мол, о полномочиях Державина будет особо объявлено.

Тут бы Гавриле Романовичу откланяться. Но он продолжал ворчливо разглагольствовать. «Я не знаю, сидеть ли мне в Совете или стоять, кто я — присутствующий или начальник канцелярий?»

Император увидел в таком поведении признаки ненавистной дворянской вольницы. Он решил напугать старика и закричал с возмущением: «Слушайте, он почитает себя лишним в Совете!» При этом «глаза его, как молнии, засверкали». Крик этот предназначался вельможам, стоявшим в предбаннике кабинета, среди них выделялся Архаров, тогдашний царский любимец. А Державину император заявил в грубоватой манере: «Поди назад в сенат и сиди у меня там смирно, а не то я тебя проучу!» Выскочив из залы, Державин в забытии выпалил достаточно громко, чтобы многие услышали: «Ждите, будет от этого царя толк».

А Павел Петрович просто преподавал урок всем екатерининским старикам... В указе говорилось прямо: «Тайный советник Гаврила Державин, определённый правителем канцелярии Совета нашего, за непристойный ответ, им пред нами učinённый, отсылается к прежнему его месту».

Общество питалось преувеличенными слухами о размолвке императора с Державиным. Поговаривали, что поэт, отвечая на замечание государя, заявил запальчиво: «Переделать себя я не могу». Болотов в своих записках назвал этот сюжет красноречиво: «Государь наказывает одного из ближних своих вельмож за необузданность языка».

Тут-то Гаврила Романович и вспомнил добрым словом покойную императрицу, которая не устраивала сцен из-за пустяковых противоречий и чётче распределяла обязанности.

Какое политическое будущее ожидать после такой оплеухи? Пришлось заседать в Сенате в скромнейшем межевом департаменте. Державин попросил было заступничества у князя Репнина — тот уклонился. Гаврила Романович затаил обиду — ведь он воспевал князя в «Памятнике герою», но Репнин знал, что не стоит испытывать терпение императора доводами о невиновности Державина. Тогда пиит решил «возвратить себе благоволение монарха посредством своего таланта». Что может быть проще? Раз, два, три — и перед вами ода «На новый 1797 год»:

Кто сей, щедрей Екатерины
И ревностней еще Петра?
Садить в сердца блаженства крины,
Потоки злата и серебра
Воздержностью пролить желает,
Собою роскошь истребляет?

Ох, уж эта извечная рифма: «Екатерины — крины». Да и вообще ода вышла натужная, хотя Державин, не кривя душой, перечислял некоторые достижения первых месяцев нового правления. Но простодушный адресат ликовал.

Государь тут же пригласил Державина к аудиенции и снял опалу. Отныне его снова пускали в «кавалерскую» залу дворца...

Никто не верил, что он искренне воспевал императора. В «Объяснениях» пришлось оправдываться: «Удивительная щедрота, неутомимая заботливость в отправлении дел, в первые дни оказанные, ежели бы соображены были с благоразумием, то бы государь сей по справедливости был наивеличайший; но последующее время доказало, что это было движение какого-нибудь первого внушения или осыпать благодеяниями, или повергнуть в несчастье. Он имел весьма острый и просвещенный ум и сердце чувствительное и склонное к добру (ср. строфу 7-ю); но недостаток благоразумия или чрезвычайно вспыльчивый нрав все то в ничто обратили».

После возвращения «царской милости» на радостях Державин порадовал лихим экспромтом старого приятеля — Петра Гасвицкого, хотя в те дни изводила поэта зубная боль.

Что с тобой сталось, Петр богатырь,
Или ты принял ревень, нашатырь?
Иль некая дура,
Гранку меркура

Принудив принять,
Дома велела лежать?
Давно тебя, друже, давно уж не видно:
Право, обидно, —
Право, и стыдно
И скучно уж мне
Жить без тебя словно в пустыне.
Иль ты сердит за что-либо стал,
Иль прочь что тебя намнясь я прогнал?
Право, не в пору, в самый задор
Бряк ты на двор,
Как у меня был лепых собор,
И с ними молот всякий я вздор.
Ну же, ты плюнь на них, не сердися:
Как прежде, ко мне поутру явился...

И так далее. После таких припевок, без предисловий перейдя к прозе, Державин очень откровенно (в дружеском насмешливом стиле) поведал Гасвицкому о политическом стиле нового императора: «Был Государем сначала изю всех избран и в милости; но одно слово не показало, то прогневал, однако по малу сходимся мировую, и уже был у него несколько перед очами. Крутовато, братец, очень дело-то идет; ну да как быть?.. Я слышу, ты получаю о мне вести, что мне не очень хорошо, перепугался; но не опасайся, братец: ты знаешь, как я эти вещи принимаю — и слава Богу, все-таки тот же. Верный твой всегда».

Это не бахвальство. Державин действительно успел привыкнуть к переменчивой придворной погоде и даже на крушение надежд поглядывал философски. Павел не разбирался в поэзии, но придирчиво вчитывался в стихи, выискивая крамолу. В 1798 году готовилось издание стихов Державина — включая давнее «Изображение Фелицы» — то самое, за которое корил поэта Капнист. Две строки, на которые в прежние годы никто не обратил внимания, цензура вычеркнула:

Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлашу.

Пожалуй, угладили унижение царской власти и бахвальство поэта. Державин считал, что он таким образом прославляет «снисходительное

правление». Но Павел и не стремился показаться снисходительным. «Автор чрез генерал-прокурора князя Куракина просил доложить императору, объясняя, что ежели императрица, тоже самодержавная государыня, с удовольствием приняла сию мысль, то не может быть противно оное и государю, рассыпавшему в то время великое множество своих благодеяний и щедрот», — вспоминал Державин. Но Павел дал Куракину ясную резолюцию: «Государь император приказать соизволил внушить господину Державину, что по искуству его в сочинении стихов подчеркнутые бы переменил, чтоб получить дозволение сочинении его напечатать». Державин не стал изобретать новых строк, оду напечатали с пробелами. Державин от руки вписывал в свои экземпляры книги опальные строки...

Державин приветствовал стихами рождение великого князя Михаила Павловича, и стихи эти стали неожиданно популярны среди аристократов, недовольных императором. Их воспринимали как фронду.

Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать рабов,
Но богом на престол воззвану
Любить их должно как сынов.

В Екатерининские годы Державин привык критиковать — чаще всего безрезультатно, но почти всегда — безнаказанно.

Читатели и почитатели Державина императора ненавидели. Поэт (неминуемая слабость!) всегда зависит от читательского мнения, и Державин разбрасывал в одах прозрачные фрондёрские намёки, искринки. Что может быть приятнее, чем участь фрондёра в золочёном камзоле?

Царедворцы стали сторониться Державина, пророчили ему ссылку. Даже старый приятель Козодавлев, завидев его в Сенате, отшатнулся, как от язвы. Но Павел мудро разрешил противоречие, наградив поэта золотой табакеркой с бриллиантами — как раз за эту оду. Державин тут же нашёл способ продемонстрировать награду Козодавлеву. Тот, весело улыбаясь, попытался броситься на шею Державину, поздравляя с царской милостью, но Гаврила Романович отпрянул: «Поди прочь от меня, трус. Зачем ты наведни от меня бегал, а теперь целуешь?» А император щедро наградит поэта ещё и за оду «На маль-

тийский орден»: при богоподобной Фелице ему дольше приходилось ждать награждений...

Наделало шуму и стихотворение «К самому себе». «Когда люди сильные при императоре Павле пользовались возможностью обогащаться казенными землями и потом, для вознаграждения обедневших крестьян, притесняли помещиков, то Державин, присутствуя в межевом департаменте, возставал против генерал-прокуроров, князей Куракина и Лопухина, также и против государственного казначея Васильева за злоупотребление государевой милости. Видя, что они на эти упреки не обращали никакого внимания, он написал песню «К самому себе» и распустил ее по городу, желая, чтоб она дошла до государя и чтоб его спросили, кого он в ней разумел. Боясь этого, они старались скрыть ее и втайне раздражали императора Павла против Державина». С этими стихами Державин не выиграл: Павлу они показались не по чину колкими и легкомысленными.

Пусть другие работают, —
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде чорт, —
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот.

Впрочем, Державин был уверен, что император благоволит к нему, и только козни недоброжелателей мутят воду. Накануне награждения Державина Анненской лентой генерал-прокурор Лопухин доверительно ему сообщил: «Государь давеча было-хотел надеть на вас ленту с прочими, но поусумнился, что вы все колкие какие-то пишете стихи, но я уже его упросил». Державин только усмехнулся. Когда государь набросил на него ленту, начал лепетать слова оправдания, но Павел отмахнулся и зарыдал. Державин трактовал то рыдание как знак истинного благоволения к себе...

Иногда ему казалось, что титулованные вельможи считают его выскочкой. Но в годы правления Павла Державин стал, кроме прочего, самым популярным третейским судьёй, он уладил несколько десятков семейных споров и несколько десятков недоразумений, возникших

между соседями и дальними родственниками. Наследство, земельные вопросы — тут чёрт голову сломит, а у Державина выходило ловко и справедливо. Представители самых громких аристократических фамилий обращались именно к нему — таков был его авторитет. Он становился не то, чтобы лидером старшего поколения, но идеологом разноплёрой партии сторонников Просвещения без кардинальных перемен, но с установлением строгого антикоррупционного порядка.

Новый век, новый царь, новые ухватки повсюду... К «Дней Александровых прекрасному началу» Державин приравнивался с натугой. Молодого царя в стихах он прославлял громогласно, но политических реформ не поддерживал.

Стихи, оставшиеся от того времени, — это и одические прозрения, и легкомысленная, грациозная анакреонтика. Ирония и патетика у Державина всегда переплетены: таков характер. И этот характер остался в поэзии. И — никакой чопорности, никаких расхожих конструкций. Сквозь рутину, сквозь обязательную программу стихотворений, прославлявших события жизни царской семьи, пробивался ни на кого не похожий поэт.

Арсений Замостьянов

Гаврила Романович Державин